

Александр Петров

*Летящий
с ангелом*

A. Petrov

Александр Петров
Летящий с ангелом

«Автор»

2012

Петров А.

Летающий с ангелом / А. Петров — «Автор», 2012

«Святые зорко следят за своими потомками». Это история одного из таких потомков – правнука священномученика. Жизнь Андрея от зачатия до зрелости – сплошная цепочка чудес. Он полюбил в детстве, всю жизнь пронес в сердце любовь к Светлане и создал с ней семью. С самого раннего детства Андрей летал по удивительно красивым просторам и только в зрелом возрасте ему удалось разгадать тайну. Он вспомнил, как ещё в утробе матери ангел его брал с собой в полёт по Царству Небесному – и эта красота живёт в его сокровенной памяти и непрестанно зовёт к себе. Нечто подобное случилось и со Светой – она с детства наделена даром самодействующей молитвы, которая улаживала её одиночество и делала её девочкой не от мира сего. Именно этот дар не позволил ей ответить на чистое искреннее чувство Андрея. Но по мере взросления и воцерковления обоих героев, раскрывается и загадка Светы – и Господь воссоединяет их...

© Петров А., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Когда ангелы нас водили	5
Рождение	5
Ты тоже видела этот сон?	8
Касание мира иного	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Александр Петров

Летающий с ангелом

...Кто дал бы мне крылья, как у голубя? Я улетел бы и успокоился.
(Пс. 54.7)

*Как бедны все слова земные!
Ибо где человек тот скрылся,
Кто, пройдя этот мир, унесся
За пределы всего, что видим?..¹*
(Преп. Симеон Новый Богослов)

«Случается, человек бывает восхищен молитвой, и ощущает он такую неизреченную радость, что всецело восторгается летающий и восхищенный ум его².
(Преп. Макарий Египетский)

Когда ангелы нас водили

Рождение

«Час зачатия я помню неточно, – пропел как-то Высоцкий, – значит, память моя однобока». Так красиво сказать, тем более пропеть, я не могу. Потому что, мне кажется, я... помню.

Не стану утверждать, что память моя не однобока. Наоборот. Могу не вспомнить, кушал ли я что-нибудь сегодня. Забываю сходить в магазин и заглянуть в холодильник, есть ли там припасы. Плохо помню, сколько заработал и куда потратил, сколько и кто мне должен.

Но касания вечности помню. Мне нравится рассматривать их, как семейный альбом. Только фотографии от времени обычно блекнут, а воспоминания о главном становятся все более яркими и ценными.

...В те дни родители мои поссорились. Отцу на работе поручили организацию новогоднего вечера. Мама же сильно простудилась и осталась дома. Когда отец во втором часу ночи шумно появился домой, мама успела сменить третий носовой платок. От папы веяло морозом, шампанским и духами. А мама сквозь слезы неотрывно смотрела, как на праздничном столе стружкой сворачиваются пластинки сыра.

Неделю они молчали. Отец пропадал на работе. Мама лечилась «трудотерапией»: стирала, штопала, ежедневно убирала квартиру. Они очень любили друг друга. Эта ссора их утомила. Обычно они легко прощали. Не могли понять на этот раз, почему так трудно сделать шаг навстречу и помириться.

...Наконец однажды отец вошел в дом и устало присел на стул. Мама сидела напротив, скрывая сильное волнение и легкую дрожь в руках.

– Я больше не могу без тебя, – выдохнул он чужим голосом. – Прости меня, пожалуйста.

– И ты меня прости. Знаешь, оказывается, я тебя люблю, как в первый день.

Они смущенно обнялись. Вдруг между ними будто проскочила искра, их обожгло. Они оказались в центре мощной вспышки...

...Впервые я себя ощутил как что-то живое, когда вокруг пылал огонь. Меня окружали добрые светоносные существа. Я видел далеко и высоко. И сам был светел. Однако свет померк, и я загрузил. Мне даже показалось, что я пропал. Потом оказалось, что я бурно расту, успо-

коился и погрузился в ожидание. Чаще всего я спал, но иногда просыпался и делал открытия. То слышал звуки, то обнаруживал у себя что-то похожее на руки, ноги, голову. Потом снова засыпал.

Когда я почувствовал приступ одиночества, ко мне явился Вестник. Он будто состоял из света. От него исходила добрая сила и дружеское участие. Он протянул мне руку и позвал с собой.

...Что-то произошло: я стал вдруг легким и подвижным. Я взлетел! Мы пронеслись сквозь море огня и оказались в дивном месте. Здесь, на небесах, цвели сады. Свет переливался по бесконечным просторам. Теплыми ветрами струились ароматы. Звуки и песни пронизывали воздух. Там и тут, на холмах и низинах, сверкали храмы и дворцы. Где-то очень высоко я видел сверкающий Крест и самый большой дворец. Я знал, что там, за невидимой преградой, находится Творец.

Мне никто ничего не рассказывал, но я все узнавал. Здесь я чувствовал себя дома. Меня окружало то, что я любил. Видел и слышал то, что мне нравилось. И еще я... летал! Стремительно и свободно, легко и беззаботно.

Вестник летел рядом и кротко просил остановиться. Он звал меня вниз, где темнела земля.

- Еще один полет над рекой! – умолял я, чуть не плача.
- Нам пора, – объяснял он терпеливо, с жалостью и состраданьем.
- Но там темно, – показывал я в место своего обитания. – А здесь так красиво!
- Хорошо, – сказал он. – Последний полет – и обратно.

Я взлетел ввысь и парил над рекой. Снижался к самой глади воды, проникал в ее упругую толщу и, коснувшись дна рукой, выныривал и почти вертикально взмывал в глубокую синеву. Я знал, что мне предстоит вернуться на землю и пройти испытания. Отсюда земля выглядела особенно сумеречно и душно. Поэтому я про запас жадно впитывал свет и наслаждался полетом.

Очнулся я в прежнем темном месте в скованном состоянии. Но отныне я знал, что и Сам Творец проходил этим путем, также терпел и ждал, – и мне стало веселей. Меня утешали светлые небесные воспоминания.

Однажды снаружи моей темницы раздался голос. Он мне показался таким ласковым, родным, и я понял: со мною говорит мама. Чуть позже раздался голос погуще, наверное, папин, но он тоже мне понравился. Я понял, что меня любят и ждут, когда я выйду из темноты и познакомлюсь с ними. От радости я задергал руками, а снаружи раздался счастливый смех: «Он впервые зашевелился!» С этого момента ко мне обращались, как к личности. Я с нетерпением ждал выхода в свет.

И вот однажды теплая вода вокруг меня исчезла. Меня обдало холодом, я что было сил, стал двигаться, пока не вышел наружу. Тут я замерз еще сильнее. Какие-то чужие люди грубо схватили меня огромными ручищами, сильно ударили ниже спины, обрезали длинную трубочку, выходящую из моего живота. Я закричал отчаянно: «Верните меня обратно! Что вы делаете, изверги! Я буду жаловаться. Где моя мама?» Наконец меня поднесли к заплаканной женщине. Она улыбнулась, обняла меня, прижала к себе, обдала теплом – и я узнал свою маму.

Мы смотрели друг на друга и не могли налюбоваться. Мама бережно гладила меня, улыбалась и говорила ласковые слова. Мне же было не по себе: надо же, знакомлюсь с самым дорогим человеком, а сам такой опухший, сморщенный, глазки заплывшие, тело синюшного цвета, на животе висит обрезок кишки в зеленке, слова сказать не могу, все больше ору, как резанный... Но мама любила меня и такого! Представляете, как это открытие меня приятно поразило. Не думал, ох, не думал, что на земле возможна такая любовь. А здесь, кажется, ничего, жить можно.

Первое время я все больше спал. Просыпался от голода, жадно пил молоко и снова – на боковую. Иногда меня будил холод или сырость, тогда я звал маму. Моя вежливая просьба почему-то звучала, как истошный крик. Я пробовал придать голосу какое-то благозвучие, но ничего, кроме истерических воплей, не получалось. Так я понял, что мне придется всему учиться заново: говорить, ходить, летать.

Иногда мне снились мои полеты по необозримым светлым просторам. Но все это отходило куда-то вдаль. А однажды я очень загрустил, и мне захотелось вернуться в прошлое. Тогда я услышал голос Вестника. Он просил учиться терпению и обещал скоро появиться рядом.

И вот однажды меня красиво одели и вынесли из дома. На улице я, как обычно, хлебнул свежего воздуха и заснул. Чуть позже меня разбудили, и я увидел что-то очень напоминающее мое светлое прошлое. Конечно, здесь не было бесконечных высот и той совершенной красоты. Но света, того прошлого света, было много. Он сходил с небес и отражался во всем. Но самое главное – я увидел, как с огненной высоты ко мне слетел мой Вестник и встал рядом. Он был очень торжественным, это передалось и мне. Когда меня окунули с головой в светящуюся воду, я запел от восторга и переполнявшей меня радости. Только снова из моего распахнутого беззубого рта вырвался визгливый крик. Мама бросилась меня успокаивать, а Вестник поправил мой сверкающий крестик и поздравил с первым шагом в небо.

– Сколько же их будет? – спросил я.

– Всего семь. Крещение ты получил – это первый шаг. Видишь, священник миро несет? Сейчас тебя помажут, и останется пять.

– Вестник, ты меня не оставишь? – спросил я, наверное, очень жалостно.

– Нет. Я всегда буду рядом, – улыбнулся он по-дружески. – Ты не сможешь меня видеть, но я буду с тобой. Только отныне я не Вестник, а Хранитель. А тебя крестили в честь преподобного Андрея Критского.

– А что это значит? – спросил я.

– Со временем узнаешь, – грустно ответил Хранитель и отвел глаза. – Но ты не бойся, я тебя не оставлю, слышишь? Что бы ни случилось, я буду рядом. Только позови.

Ты тоже видела этот сон?

С младенчества меня окружали хорошие люди. Меня любили родители и родственники, соседи и друзья. Меня ласкали и целовали мамины руки и губы, стерегли и учили отцовские глаза и слова.

Взрослые не всегда меня понимали. Например, склоняется ко мне папа, а за его левым плечом я вижу страшную черную физиономию с лютыми глазами. Я, конечно, зову моего Хранителя, причем это получается в виде натужного крика. Появляется мой светлый защитник, прогоняет страшилище. Хранитель мне улыбается, успокаивает. Мама при этом сурово отодвигает папу и повисает надо мной. Я улыбаюсь беззубым ртом. Мама считает, что я улыбаюсь ей, а папа обижается. Иногда я без видимых причин заливался счастливым смехом и дрыгал конечностями. Родители только пожимали плечами, отзываясь улюлюканьем и «козой» из пальцев. Истинная причина моего восторга состояла в том, что Ангел играл со мной.

...О, мои онемевшие уста! О, моя парализованная рука, сжимающая тупое перо! Где взять такие слова, краски, звуки, чтобы описать те бесценные минуты, когда мир сходил в наш дом, глаза отца сияли мудрой любовью и руки мамы бережно касались моей нежной младенческой кожи. Они окутывали меня родительским теплом, мое сердце прыгало в груди, а я... стеснялся нахлынувшей радости и смущенно рассматривал свои крохотные ноготки на пальцах, гладил ладошкой зеленый грузовичок на скрипучих железных колесах, вдыхал запах маминых духов и на своем затылке ощущал ее теплое дыхание. Сколько это продолжалось? Может быть, несколько минут... Но такие мгновения крепко приживались в моей памяти и впоследствии давали силы прощать людям очень многое. Казалось бы, умиление собственным ребенком, его нежным пухлым тельцем, его неказистыми движениями, его пушистым темечком — что за невидаль! А я помню эти мгновения родительской нежности и люблю возвращаться туда и вновь погружаться в те сказочные ощущения.

Родительский дом отличался гостеприимством, за большой стол в гостиной собирались на праздник человек по двадцать. Взрослые приходили с детьми. Мы удалялись в детскую комнату играть. Когда заглядывали в гостиную проведать родителей, они нас бурно приветствовали, будто мы не виделись много лет. Кроме того, у меня было много друзей и приятелей.

И детсад, и двор наш утопали в зелени деревьев и кустов. Всюду красовались цветы: на клумбах, палисадниках, балконах. В погожие дни все это растительное благолепие наполняло ароматами воздух и радовало глаз. Детям позволялось все, кроме как ломать цветы и бить оконные стекла. За порядком старшие следили строго и чуть что вели к родителям на взбучку. Так нас приучали уважать труд, вложенный в создание красоты. Да и нас с малолетства приобщали к труду. Во всяком случае, по вечерам и субботам мы с родителями частенько копались на клумбах и палисадах, собирали мусор и листья, поливали двор. Это доставляло удовольствие, потому что мы ощущали себя большой дружной семьей.

Друзья мои были разными, но каждый интересен по-своему. Дима всех удивлял памятью и рассудительностью. Его было интересно слушать. Павлик смеялся и шутил. При встрече мы бросались друг к другу и обнимались. Юра любил разбирать игрушки и затем собирать их, не всегда успешно. Он делился шестеренками, колесиками, пружинками, которые казались мне волшебными. Иришка любила командовать. Мне это не очень-то нравилось, потому что в нашей семье женщина подчинялась мужчине, и мне это казалось правильным. Аня гуляла с огромным, свирепым на вид псом, я гладил страшную звериную морду, мощную шею, чувствуя, как он тычется мне подмышку мокрым носом и тихонько скулит. Она красиво рисовала, читала стихи, играла на скрипке.

Но вот однажды сначала во дворе, а затем в саду появилась Света. Когда я увидел ее впервые, мне показалось, что это не девочка, а бабочка с прозрачными крыльями. От ее светлых волос, от зеленых глаз, от белого платья, от тонких рук – исходило сияние. Девочки искали ее дружбы, мальчики сурово немели в ее присутствии, я же... Просто заморожено любовался ею, чувствуя, как глубоко внутри разливается теплая сладкая боль. Света вела себя необычно. Она ни в ком не нуждалась, не скучала, игры ее не увлекали. Это дивное создание могло часами сидеть, стоять, ходить, глядя перед собой. При этом на ее ангельском личике мягко сияла загадочная улыбка. Когда ей предлагали поиграть, она не отказывалась, спрашивали – отвечала.

Однажды в детском саду в «тихий час» меня положили рядом с ней, на расстоянии вытянутой руки. Она лежала с открытыми глазами, подложив ладошку под щеку. Ее взгляд плавно переплывал с моего лица на стену, с потолка на окно, нигде не задерживаясь. Я неотрывно смотрел на нее и получал от этого необычное удовольствие. Когда же закрывал глаза, то чувствовал, что рядом солнышко и оно меня освещает. Борясь со сном, я поднимал тяжелые веки и любовался ее тонкими руками, луговыми глазами, красивым носом, широким лбом, маленьким подбородком с ямочкой и улыбчивыми губами. Длинную шею опоясывали белые кружева ночной рубашки и волны светлых волос.

Когда пришла нянечка и стала нас поднимать, я молча помог Свете собрать раскладушку. Она не удивилась, и лишь вежливо поблагодарила. А после полдника подошла ко мне и заговорила. Мало что помню из того разговора. Пожалуй, только то, что она приехала из приморского города и скучает по морю. Мы еще говорили о цветах, деревьях, горах, небе и ... запахе. Приятные ароматы могли нас обрадовать, а резкие запахи сильно расстроить. Я был уверен, что после того разговора мы стали друзьями, но ошибся. Уже на следующий день она смотрела на меня, как на пустое место. Я сильно переживал, а Света... Она ни в чем и ни в ком не нуждалась. Она снова витала в своих высотах и оттуда рассеянно поглядывала на своих воздыхателей.

Я рассказал о Свете маме. Она как-то особенно посмотрела на меня, глубоко вздохнула и обняла: «Как быстро ты вырастешь». Папе говорить об этом не стал: недавно он сильно отругал меня за лазание по дереву, и я его сторонился. Поэтому я решил сходить в гости к моему взрослому другу.

Николай Васильевич жил этажом ниже. Он сильно страдал от боли в сердце. Иногда его тихая жена тетя Аня приходила к нам позвонить по «03» и вызвать «скорую помощь»: «хозяин помирает». Иногда мама посылала меня в магазин купить им хлеба и молока. Тогда я заходил к ним, а Николай Васильевич предлагал о чем-нибудь поговорить. Сначала мне это давалось с трудом: в их доме, пропахшем лекарствами и кошками, я чувствовал себя неуютно. Но потом мы подружились, и я часто приходил к нему посоветоваться. Он умел ответить на любой вопрос понятно и спокойно.

На этот раз, как всегда, Николай Васильевич встретил меня с улыбкой. В его желтых зубах тлела папироса. Грубоватое лицо с глубокими морщинами и высоким лбом иногда искажала гримаса боли. Он, сильно хромя, прошел впереди меня в комнату, нацедил мне чайного гриба из трехлитровой банки и сел к столу. Я сел напротив, жадно пил кисло-сладкую водичку и наблюдал, как внутри стакана плещутся волны.

– Что, Андрюша, влюбился? – раздался хриплый голос снаружи моей акватории.

– А откуда вы знаете? – удивился я, опустив стакан.

– Заметно. Когда человек влюбляется, на его лице уживаются счастье и горечь. Только любовь умеет эти два чувства соединять.

– Вы думаете, это плохо?

– Нет, соседushка, нормально. Что за человек, если он не любит? Так, головешка...

Он прикурил новую папиросу и вздохнул: «Когда-нибудь эта зараза меня погубит». Потом вскинул на меня усталые глаза и спросил:

– Ты видел мою старуху? Можешь себе представить, что эту старую развалину я любил всю жизнь. И сейчас люблю. Господи, как она будет жить без меня?..

Он тяжело дышал, в повисшей тишине мерно тикал будильник, за окном кричали футболисты. Я не знал, что ответить, только смотрел на старика и молча жалел его. Потом кашлянул и спросил:

– У меня это в первый раз. Я не знаю, что делать.

– Терпи и не расстраивайся. Мне кажется, ты такой мальчик, такой человек, что тебе на роду написано любить и страдать. У тебя сердце живое.

В хорошую погоду нас из детсада выводили в парк на берег реки. Там сохранились замечательные уголки дикой природы. С пригорка открывался просторный вид на пойму реки. Мы со Светой любили сидеть там и наблюдать за кораблями, идущими по реке; за облаками, плывущими по небу; за птицами, летающими в синей высоте. На этой горе воздух был свежим и упругим, как парус; ветер солнечным, трава сочной и цветы благоухали необычайно сладко. И мы становились легкими, готовыми в любой миг сорваться и взлететь ввысь.

– Как это все красиво! – вздыхала Света. – Ну почему у людей так не получается? Почему люди все делают грубо?

– Может, потому, что они лучше и сильнее нас? – произнес я.

– Кто они? – прошептала она.

– Те, кто это создал, – показал я рукой на реку, небо и облака.

– Откуда ты знаешь, что это кто-то создал? – Девочка смотрела на меня сбоку, но ее взгляд все время проникал куда-то глубоко мне в грудь.

– Ниоткуда. Просто знаю и все, – опустил я голову, потому что не умел еще отвечать на такие вопросы. И думал я тогда не головой, а как мне потом объяснили, сердцем.

– И почему мы не летаем? – Она глядела на полет стрижа.

– Летаем, – уверенно ответил я. Но потом смутился и добавил: – Ну, глазами... Еще, там, во сне...

– Андрюш, ты ведь что-то скрываешь, – заговорщицки протянула она. Я промолчал. Мне пока нечего было сказать.

Как-то субботним вечером в детсад приехал папа Светы. Мне он показался иностранцем: загорелый красивый блондин в светлом костюме, вежливый, мудрый и добрый. Он вышел из большой белой машины. Вокруг него сразу собрался эскорт из воспитательниц, девочек и мальчишек. Он каждому что-то вежливо и значительно отвечал, а сам искал глазами дочку. Света, увидев отца, просияла, взяла меня за руку и повела к нему. Я оторопел от неожиданности.

– Вот, папа, этот мальчик – мой друг Андрюша.

– Добрый вечер, Андрей, – протянул он руку и солидно пожал мою вспотевшую ладонь. – А меня зовут Олег Иванович. Что же ты не заглянешь к нам в гости?

– Как-то все некогда... – промямлил я. Вообще-то меня никто и не звал.

– Заходи, пожалуйста, я тебя приглашаю, – улыбнулся он, прочитав мои мысли.

– Хорошо. Обязательно зайду. Спасибо.

– Вот и ладно. Ну, а сейчас, ребята, покажите мне свои владения. Очень интересно, как вы тут устроились.

Он по-прежнему шагал в окружении толпы и для каждого находил доброе слово. Как это ему удавалось – слышать и одновременно говорить со всеми? Мы водили его по нашим любимым местам: бассейн с большой каменной лягушкой, резная беседка со скамейками в окружении плакучих ив, живой уголок с петухом, морской свинкой и ежиком; и, конечно, песочница с белым речным песком. Здесь он присел на корточки и неожиданно предложил построить замок с башенками и рвом. И мы принялись за строительство.

Подходили родители и бабушки, стараясь подключиться к строительству замка или просто понаблюдать за нашей работой. Конечно, начальником строительства стал Олег Иванович. Он снял пиджак, закатал рукава белой рубашки и увлеченно копал, лепил, подавая команды и советы. Мы со Светой были его главными помощниками. Я смотрел то на румяную Свету с блестящими глазами цвета лесного озера, то на ее замечательного папу... Мне хотелось одного: чтобы это никогда не кончалось.

Позже мы подружились семьями и стали бывать друг у друга в гостях. Моя мама любила маму Светы – тихую блондинку восточной красоты с неожиданно смуглой кожей и вытянутыми темно-зелеными глазами. Словом, все складывалось как нельзя лучше, только наши отношения со Светой от этого не упростились. Она то открывалась мне и, казалось, не было никого ближе; то вдруг смотрела сквозь меня, я же мучился и холодел. Что рядом с ней было удобней всего – это молчать. И смотреть на нее. И любоваться.

Однажды Олег Иванович застал нас в приступе задумчивости, взял меня за руку и повел в гостиную. Там усадил за журнальный столик с коробкой гаванских сигар, сам присел в кресло напротив и полупшепотом спросил:

– Что, брат, нелегко тебе со Светой?

– Иногда, – признался я.

– Понимаю. Знаешь, даже я, случается, побаиваюсь ее. Мне кажется, что она знает о жизни больше любого взрослого.

– Мне тоже так кажется.

– Тогда и ты меня понимаешь. Но ты, Андрюш, ее не бросишь?

– Нет, что вы! – взвился я. Бросить – мысль эта показалась мне жуткой.

– Вот это по-мужски. Ты надежный человек. На тебя можно положиться. Знаешь, в общем-то Света очень одинока. Ее даже мы с мамой не всегда понимаем. Она как скрипка среди барабанов. Необычная девочка. Вот такая история.

В отпуск родителям удалось вырваться на море. Летели мы на самолете. Мне понравилась стюардесса Тоня: веселая, красивая, в белой блузке, от нее пахло цветами. Она склонилась ко мне и спросила, летал ли я раньше. Я сказал, что летал много раз, но на самолете впервые. Она внимательно посмотрела на меня и улыбнулась, как другу. Кажется, она меня поняла. Хорошо, когда тебя понимают! Самолет набирал высоту, мне заложило уши, я подвигал челюстью, разгрыз барбариску, восстановил слух и прильнул к иллюминатору.

Под нами проплывали пушистые облака. В разрывах белого ковра виднелись квадраты полей, нити дорог, зеленая пена лесов, зеркала озер – все это напоминало географическую карту. Снизу плоские, облака поднимались клубами ввысь, к пронзительно синему небу. Жадно искал я что-нибудь живое: не могло же это красивейшее место оставаться незаселенным.

– А знаешь, Андрюша, какой там жуткий холод? – спросила стюардесса Тоня. Она склонилась ко мне, обдав запахом свежести и дружеским теплом. – Сорок градусов мороза. Представляешь? Бр-р-р!

Я удивленно взглянул в иллюминатор. Там, за стеклом, не висели сосульки, не лежал снег. Наоборот! Зеленые леса между пушистых облаков заливало радужными лучами яркое золотое солнце. Поэтому казалось, что за бортом все прокалено жарким зноем, а облака горячие, как пар над кипящей водой. Нет, никого я там не увидел, кроме скользкой тени от нашего самолета. Ослеп я, что ли? Наверное. Во всяком случае, ярко-красные пятна и полосы долго еще преследовали меня, особенно когда моргал или закрывал глаза.

Поселились мы в частном доме с большим участком земли. Приютила нас бывшая учительница, женщина тихая и добрая. А встретились мы с ней на набережной, куда прямо с

вещами пошли купаться. Первое, что я закричал, когда прыгнул в пенистую зеленоватую воду: «Она соленая!» – «Надо же, правда соленая», – откликнулась мама. А папа – он сидел по пояс в воде и молча блаженно улыбался. Вышли втроем из воды. У наших чемоданов стояла бледная женщина в кофте, охраняла. Вежливо, но строго отругала нас за безалаберность. А потом сжалась и позвала к себе жить.

До моря ходили мы пешком: хоть далековато, зато интересно. Пока идешь, столько всего насмотришься: тут собирали виноград, там жарили шашлыки, здесь лениво ругались или протяжно пели. В центре поселка стоял бетонный клуб с огромными витражами и дальше до самой набережной тянулся роскошный парк, обнесенный высоким металлическим забором. В первую же неделю мы заглянули в библиотеку, истоптали босиком побережье и тщательно облазили экзотические уголки парка. Мы постоянно пребывали в приподнятом, праздничном настроении. Может быть, поэтому легко сходились с людьми. Во всяком случае, к концу недели у нас появилось множество знакомых.

Мы с отцом и местными ребятами увлеклись подводной охотой. Благо, оснастка для этого требовалась простейшая: палка с гвоздем на конце и с резиной для метания в цель. Резину эту продавали на рынке. Утром до девяти, пока народ досматривал последние сны, и ближе к вечеру, когда обгоревшие пляжники покидали берег, в маске с трубкой уходили мы под воду. Крупная рыба здесь гуляла, как отдыхающие по набережной: не спеша, солидно и лениво. Группун с натянутой резиной в правой руке ждал приближения рыбы, чтобы выстрелить почти в упор. За час такой охоты мы приносили к столу пяток кефалей со ставридами. Мама жарила рыбу, резала салат с помидорами, сладким перцем и красным луком, а мы наблюдали за ней, как голодные волки из засады, чтобы по первому зову все это немедленно проглотить.

После ужина мы «ходили в народ». Прилично одевались и шеренгой выдвигались на вечернюю прогулку. Народ собирался обычно перед входом в клуб, на просторной площади с лавочками и кустами огромных роз. Здесь мы встречали знакомых, обсуждали новости, решали, идти в кино или на прогулку в парк. Отец подарил маме настоящий китайский зонтик из бамбука с цаплями и такой же веер. В шелковом платье под зонтом, веселая и красивая, она ступала, как кинозвезда, и веером посылала в меня аромат сладких духов. Папа ласково поглядывал на нее, обжигая взглядом прохожих мужчин, а я... так сильно любил родителей, что даже признаться им в этом не мог.

Однажды во время такой прогулки знакомые из Саратова пригласили нас в гости на день рождения. Мы с папой настреляли побольше рыбы, мама купила глиняный кувшин под вино, и мы к четырем вечера пришли в просторный двор с накрытым столом. Гостей набралось человек сорок. Взрослые шумно пробовали разноцветные вина и мутную чачу, а мы – дети – пьянели. Обычные ребята, которые послушно вели себя в общественных местах, стали вытворять что-то страшное. Сначала мы, как стадо слонов, вытоптали почти все цветы. На это внимания никто не обратил. Так же безнаказанно оборвали горох, сливы и кизил. Что не съедали, то просто надкусывали.

Разгулявшийся хозяин – полный украинец с бурым лицом – попросил нас «принести» с бахчи парочку «харбузов». На бахче мы обнаружили примерно сотню арбузов и растерялись: какие выбрать. Тогда Санька из Казани, наш заводила, вспомнил, как на рынке продавец вырезал треугольник и показывал цвет мякоти. Мы получили инструкцию и стали делать треугольные надрезы на всех арбузах. При этом обнаружилось, что у всех мальчишек имелись собственные ножи. Чтобы добру не пропадать, мы съедали мякоть с надреза, а корку деликатно вставляли на прежнее место. Так из всех надрезанных арбузов мы выбрали два и принесли взрослым, за что нас бурно похвалили.

Потом тот же Санька из Казани стащил со стола папиросу, и они с Вовкой из Ростова пошли курить в туалет типа скворечника, что стоял за углом дома в кустах жасмина. Они вернулись и, чтобы их «не унюхали» взрослые, снова пошли рвать-надкусывать садовые плоды. ...

Сначала закричали соседи, на что в общем буйстве внимания никто не обратил. Потом соседи прибежали и закричали застольщикам прямо в уши. Поначалу-то раздался взрыв смеха, но когда до них дошел смысл, вскочили и ринулись за угол. Там уже догорал деревянный туалет. Никто и не пытался его тушить, но все зачарованно наблюдали за безжалостной работой огня и вытирали мокрые лица. Расходились молча, но быстро. И только хозяин протяжно кричал что-то бессмысленное и трагичное.

Наутро к нам зашли знакомые из Саратова с чемоданами в руках и весело рассказали, что утром хозяин обошел участок и обнаружил следы преступлений. Особенно по его нервной системе ударило уничтожение урожая на бахче и в саду. Он оплакивал убытки и допивал остатки мутной чачи и пурпурной «Лидии». А отдыхающих, четыре семьи, всех подчистую выгнал. Наша добрая хозяйка вспомнила, что завтра семья из Челябинска освобождает комнату на втором этаже. Ночь до завтра можно переночевать в шалаше, что на краю бахчи. Так саратовцы были спасены от бездомности, а мы получили новых соседей.

Поговорив с участниками трагедии, папа убедил всех помочь потерпевшему. Возражать никто не посмел. Мы ходили к украинцу и строили новый кирпичный туалет, солили в бочках остатки арбузов. И эта работа доставляла нам радость. Праздник продолжался. Как пошутил папа: «Нам все равно как, лишь бы отдыхать!» Помогли также в сборе винограда, еще пустили по рукам шапку и собрали погорельцу денежную компенсацию. Он благодарил нас, причитал «шож ото воно такэ» и размазывал по круглым дубленным щекам крупные капли пота и слез.

Отпуск пролетел как-то очень быстро. Последние два дня я подолгу сидел на краю скалы и запоминал море. Его цвет, блеск, освещение постоянно менялись. Оно дышало и замирало, хмурилось и улыбалось. Так же менялось и небо над морем. Иногда солнце, зашторенное облаками, испускало мощные потоки искрящихся лучей, которые проливались в морскую пучину золотыми струями. Запомнилось, как однажды половина неба мирно голубело, в то время как на другой половине клубились тяжелые тучи и блистали молнии. Любуясь грандиозными картинами воды и воздуха, я томился, думал о Свете и понимал ее скучание по морю. Мне и самому эти воспоминания долго не давали покоя.

В школе мы со Светой учились в разных классах. Это нас неожиданно сблизило. Она подходила ко мне на переменах, мы сидели на широком подоконнике и вместе смотрели, как за окном строился большой дом. Мама Светы – Лидия Михайловна – работала в нашей школе учительницей английского. Как-то раз она предложила нам вместе брать у нее уроки. В течение двух лет я три раза в неделю ходил в их дом, и мы разговаривали только по-английски. Светлане язык давался труднее, но она несколько этим не смущалась. Ей было все равно. Иногда после уроков Света приглашала меня поиграть дома или погулять во дворе, а иногда бесцеремонно выпроваживала, и я понуро уходил.

А однажды папа Светы устроил нам поездку за город. Мы вшестером довольно спокойно разместились на просторных сиденьях большой белой машины и поехали. За окнами проплывали утренние туманы. Потом солнце вышло из-за деревьев, и туман выпал густой росой на травах и листьях деревьев. В машине уютно пахло духами, кожей и сигарами... Как объяснил Светин папа, машина принадлежала немецкому генералу. А Олегу Ивановичу досталась от большого друга, генерала советского.

Мы приехали на базу отдыха на берегу реки и перенесли вещи в просторный дом с четырьмя комнатами и большой кухней. Участок ограждал высокий дощатый забор. Вместо обычных огородных грядок здесь росла трава, а вместо садовых деревьев – могучие сосны.

Подхватив сумки с едой, мы сразу отправились на берег реки. Взрослые вели себя как дети: они шумно восклицали, шутили и смеялись. Мы со Светой следом за ними шагали молча. Когда тропинка свернула в овраг, я протянул ей руку. Дальше мы шли, взявшись за руки. Мне это было приятно, Свете, скорей всего, безразлично. Несколько раз я наклонялся, срывал

пышные цветы, собрал букет и, разделив его на три равные части, протянул нашим мамам и Свете. Мама чуть не расплакалась от радости, а Света вежливо кивнула.

На прогулке по берегу реки я рассказал Свете, как отдыхал в пионерском лагере. Там все было пропитано густым запахом карболки. Кормили плохо, невкусно, фрукты давали зеленые или гнилые. Нас дважды сводили искупаться на реку и в поход к памятнику войны. Остальное время дети слонялись по лагерю и кормили прожорливых комаров. Однажды скуки ради мы устроили политическую демонстрацию. Взявшись за руки, маршировали по лагерю и скандировали: «Свободу неграм Америки!», «Долой агрессивную военщину!», «Да здравствует наше счастливое детство!» Нас за это наказали мытьем общего туалета и сбором мусора. Почему – мы так и не поняли. На родительский день я умолял забрать меня домой, за что меня обругали родители, а потом и лагерное начальство. Единственное, что спасало от тоски, это чтение. Я брал книгу и забирался на прожекторную вышку, где комаров было меньше. С тех пор слово «лагерь» вызывало у меня спазмы горла. Поэтому, когда на следующий год папа сказал, что меня за отличную учебу и примерное поведение премировали путевкой в «Артек», я молча встал и сбежал на развалины. Там, лежа на траве, я планировал кругосветное путешествие пешком и напряженно вспоминал географию. Разыскали меня поздним вечером и надавали подзатыльников. Но больше это страшное слово в нашей семье не произносилось. Со слов «запах карболки» до последнего слова «лагерь» Света мне сочувствовала, как настоящий друг. Я ждал от этой поездки чего-то важного.

– Значит, ты уходил из дома? – спросила Света.

– Да. Со мной это было два раза, – признался я. – Понимаешь, мне вдруг кажется, что я никому не нужен. Будто я всем чужой. Тогда встаю и ухожу из дома путешествовать. Это страшно, это интересно! Идешь никому неизвестный, никому не отчитываешься. Идешь в дальние страны в загадочные места.

– Так почему же ты возвращался?

– Не знаю. Так получалось... Меня ноги сами домой приводили.

– Интере-е-есно, – протяжно вздыхала она, опуская глаза. – Интересно.

Те два дня казались сказкой. Мы собирали грибы и ягоды, купались, играли в волейбол, пекли на костре картошку. Бродили по берегу и говорили с рыбаками и пастухами. Один рыбак как раз выгружал из лодки добычу: корзину карасей размером с мужскую ладонь. Когда я восхитился уловом, он ухмыльнулся: «Да разве это рыба! Так, лягушка». Вечером разожгли костер и пекли картошку. Когда на черном небе зажглись яркие звезды, мы со Светой забрались на крышу и просидели там допоздна. Говорили почему-то шепотом, и снова стали друзьями. Света рассказала, как она видела ночное свечение моря. Папа ей тогда объяснил, что это скопление мелких рачков наподобие светлячков, а ей казалось, что Млечный путь купается в море, чтобы ярче светить и указывать путь кораблям.

Я рассказал о своих «фантазиях». Далеко-далеко живут счастливые люди, которые летают как птицы и плавают как рыбы...

– У них что, есть крылья и жабры? – прошептала взволнованно Света.

– Кажется, нет... Да нет же! – уверенно сказал я. – Они не такие, как мы. Они будто сделаны из света, понимаешь?

– Да, понимаю, – неуверенно кивнула она. – А ты что... тоже их знаешь?

– Да... Я не знаю... Ну, это же фантазии, правда?

– Ты рассказывай, Андрюша, – попросила она кротко.

– Там все не такое, как здесь. Там большие-пребольшие горы, совершенно прозрачная вода в реках и в море. Там небо такое огромное, как... любовь... Там всюду свет и никогда не бывает ночи. Там очень красивые цветы. Некоторые из них большие, как деревья. Мы с тобой хотим взлететь – и вот уже летим, как птицы. Прямо с неба мы с тобой падаем в море и летим... Нет уже не летим – плывем под водой. А она как воздух, только чуть погуще. Но

мы и под водой будто летим, взявшись за руки. Мы вдыхаем сладкие ароматы. Мы постоянно слышим красивые песни, волшебные звуки. Мы с тобой большие друзья, нам весело и хорошо.

Меня будто несло под тугим парусом по волнам моей «фантазии». Я не знал, откуда мне это привиделось: во сне или сам выдумал. Просто говорил, что было на уме, и эти картинки оживали передо мной. Нас окружала черная ночь, а мне казалось, что все вокруг залито мягким светом. Я поглядывал на Свету и понимал, она чувствует то же самое. Мы сидели на теплой крыше, взявшись за руки. И мы... летали!

Воскресным вечером, усталые и тихие, мы возвращались домой. Слева и справа проплывали поля, реки, леса; впереди блестел асфальт дороги с редкими машинами. А чуть дальше из-за горизонта поднимались белые высокие дома, над которыми в полнеба золотился роскошный закат солнца. Олег Иванович включил радиоприемник. Знакомый баритон пел: «Я люблю, тебя, жизнь, и надеюсь, что это взаимно». Мы слушали молча. Наверное, это и есть счастье: благодарно любить то, что дает жизнь.

Касание мира иного

Мои школьные и дворовые друзья, как сговорились, стали интересоваться кто чем: спортом, книгами, радио, моделями самолетов и кораблей, посещали фотокружок и учились танцам. По субботам у нас принято было ходить в кино. Кажется, именно кино и стало влиять на наши увлечения. Например, после просмотра «Трех мушкетеров» из библиотек пропали сочинения Александра Дюма, и мне приходилось записываться в очередь или искать по частным собраниям. Часто выручали друзья или родители. То же повторилось, когда мы посмотрели экранизации Майн Рида, Джека Лондона и Конан Дойля. А были еще дивные сказки про Морозко, Василису Прекрасную. Позже – Пушкин, Лермонтов. Зовущий в светлую даль Шукшин и поднимающий ввысь Тарковский.

Юра уговорил меня записаться в фотокружок. Мы стали бегать всюду с фотокамерами, «снимать» все, что стоит и движется. В темно-красной лаборатории, затаив дыхание, наблюдали, как на белой бумаге, погруженной в проявитель, появляется изображение. Это увлечение не мешало нам паять радиоприемники, чтобы по ночам под одеялом слушать запретную джазовую музыку, читая при этом с фонариком детективы.

Аня с Иришкой приглашали меня в театр. Обычно мы сидели на первых рядах, и я терпеливо наблюдал, как напрягаются вены на горле актера, выкрикивающего глуповатые реплики, как брызгает он слюной и поднимает пыль со сцены, по которой громяхают его обшарпанные каблуки. Мне все это казалось чем-то искусственным, не имеющим к реальной жизни никакого отношения. Девочкам я об этом говорить не смел: они-то, в отличие от меня, театральную бутафорию почитали за великое искусство.

Меня больше всего тянуло на природу, где много воздуха, света, воды – жизни. Как-то на день рождения мне подарили китайский фонарик с круглыми батарейками. Мы с Павликом его покрыли гидроизоляцией – залепили щели пластилином – и со старой корзиной ушли на реку. Вечером, когда в глубине воды сгущалась черная тень, мы ставили на дно корзину с кусочками мяса. В корзину опускали на веревке горящий фонарь и... поднимали глаза к небу. Над водой витали влажные запахи тины, рыбы и бензина. Позвякивали лодочные цепи, вяло плескалась рыба, где-то далеко гудела электричка, а над нами загорался таинственный Млечный путь.

– Павлик, а как ты думаешь, зачем нужны звезды?

– Для красоты, наверное, – пожал он плечами.

– Мне Дима рассказывал, что звезды больше Солнца. Их так много, что и сосчитать невозможно. Сколько же нужно работать, чтобы это придумать, сделать и следить за ними. И все только для того, чтобы кто-то любовался?

– Да. А ты думаешь, этого мало?

– Не знаю, друг. Но даже если только для красоты, то можно было их тут повесить, – поднял я палец к небу.

– Ну что будем поднимать? Там раков уже, наверное!..

– Да ну их... Куда они денутся? Давай еще посидим, посмотрим.

Наше созерцание нарушила Ира. Она неожиданно вышла из фиолетовых кустов с розовой кастрюлей в руках: «Мальчики, я подумала, может, вы голодны. Вот, поешьте бабушкиных щей». Мы сурово зашикали на нее. Вздохнули, взяли протянутые алюминиевые ложки и стали прямо из кастрюли хлебать холодные щи с блестками застывшего жира. Вообще-то мы их не любили. Вот окрошка – да. Особенно, если с огурцами и с ядреным домашним квасом. А что щи... Там эта капуста, вареный лук – все какое-то скользкое... Нет, щи – только из-под палки, с горчицей и с видом на парочку поджаристых котлет.

Но в тот миг все было чудесно: и эти безумно вкусные холодные щи с подсохшим белым хлебом, и ...мигающие звезды на черном небе. И плеск душистой воды о борт лодки. И даже неожиданное вторжение Иры, которая молча улыбалась и смотрела то на нас, то на блестящую воду, то на роскошное манящее небо.

Помню, однажды Дима пригласил меня домой и, закрыв дверь своей комнаты на крючок, открыл передо мной книгу «Расследование преступлений». Эту книгу привез из-за границы его папа, большой начальник. Книга шокировала нас цветными фотографиями трупов и сухими подписями: «Поза «боксер», характерная для сгоревшего трупа», «Самоубийство путем самоподрыва гранатой, размещенной во рту», «Множественные колото-резаные ранения, нанесенные убийцей в состоянии аффекта», «Разложение трупа в стадии жировоск» и так далее. Нас тошнило, мы закрывали книгу и жадно пили воду, но вновь открывали и упорно смотрели, смотрели.

Всю следующую неделю я думал о хрупкости человеческой жизни. Во мне появилась острая жалость к людям и к самому себе. Как же так, вот мы ходим, едим, учимся и работаем. У нас есть кино, книги, летом цветы и зимой снег. Мы влюбляемся и дружим, мечтаем и тоскуем, смеемся и плачем. И вдруг заболеваем, или подходит убийца, или война, или кирпич на голову, или машина задавит – и все, конец! А куда девается наша любовь, мамина нежность, суровая отцовская дружба, пение птиц, шелест дождя, скрип снега под ногами, сладкое томление и счастье влюбленности – это что, сгинет? Все напрасно? Но ведь в этой жизни все так разумно, правильно, красиво. Не может быть, чтобы смерть все это могла уничтожить. Нет, невозможно!

Доел жареную картошку, ополоснул тарелку и выглянул в окно. Там за доминошным столом сидел над шахматной доской Дима. Я выбежал во двор и присел рядом. Он, почти не глядя, передвигал фигуры по клетчатой фанере, листал книгу и хрустел кукурузными палочками. Его соперник, старшеклассник с длинным чубом, весь красный и взъерошенный, не обратил на меня внимания. Я горячо зашептал Диме на ухо о своих переживаниях, а он сонными глазами посмотрел на меня и скучно вздохнул.

– Знаешь, Андрюха, ерунда все это.

– Как же ерунда, если все может закончиться в любую секунду.

– Ты же сам сказал, что жизнь разумна и правильна. Значит, и этот вопрос со временем решится. Что ж тогда волноваться?

– Как это что! А если не успеем? Ты помнишь фотографии убитых? Они, поди, даже пискнуть не успели: бац и труп. Они тоже ведь любили и мечтали. И куда все это подевалось?

– Глупый ты, что ли, – вздохнул Дима, небрежно «съев» слона. – Как учит мой великий папа, вопросы надо решать в порядке поступления. Хочешь хрустиков? Нет? Тогда отстань.

Я тупо наблюдал, как подъехала телега со смуглым старьевщиком в шляпе. По двору разлился густой запах лошадиного пота, гниющего тряпья и протяжный клич: «Тря-а-а-апё-о-о-о берё-о-о-о-ом!» Двери подъездов захлопали, и засеменили к нему бабушки с тюками тряпок. Старик взвешивал тюки на старом чугунном безмене, швырял за спину и взамен протягивал стиральный порошок, синьку, надувные шарiki. По какому принципу выбирал он кому что, никто не знал. Возмущаться натуральной оплатой никто не пытался: во-первых, бесполезно, во-вторых, опасно: старик не выпускал из рук длинную плетъ, которую держал наготове.

– Вот это я понимаю, – сказал Дима. – Частный предприниматель. Бизнесмен. Это человек из нашего будущего.

– Что-то неприятно пахнет твоё будущее. Да и выглядит не очень.

– Ты не понимаешь! Он сейчас вернется домой, переоденется в белый костюм, сядет в белый лимузин и поедет в фешенебельный ресторан слегка развеяться.

— Это потому что ему скучно?

– У капиталистов так принято.

– А что толку? – снова спросил я. – Ну помрет он в белом костюме с бокалом «висок» и толстой сигарой. Это даже обиднее.

– Ой, да успокойся ты! Слушай, не закапывай в могилу, – зашипел Дима, потом закатил глаза и продолжил: – белоснежную мечту моего босоного детства.

Нет, я не успокоился. Приставал по очереди к Павлику, Юре и Ане. Но то, что они отвечали, меня не устраивало. Я сидел на лавочке, болтал ногами и думал о бренности бытия. «Андрюша, сынок, сходи в магазин!» – раздался мамин крик с балкона. Впервые я обрадовался этому заданию. Забежал домой, схватил сумку с кошельком и отправился в гастроном.

О, нет! Совсем не простым оказался мой путь... Как всегда, на его извилистой траектории таилось множество препятствий! Так, мне пришлось сыграть партию в пинг-понг, потом снять с дерева толстого глупого кота, потом помочь Юре распилить старинный фотоаппарат, потом залезть на крышу гаража и сбросить оттуда малышне застрявший мяч. Я споткнулся, упал, расшиб колено и залепил его листиком подорожника. Наконец, мне удалось дойти до гастронома и выстоять две очереди: сначала за молоком, потом за хлебом. Все это время я смотрел на людей и, как в кино, видел их будущее: этот умрет от болезни, эта утонет, этот сгорит на пожаре, эта упадет головой на острый камень – и все, все! умрут. Выходя из гастронома, в зеркальной витрине увидел я свое отражение и подумал: «Вот этот мальчик тоже умрет. И даже, может, сегодня и очень страшной смертью». Потом показал ему язык, на что зазеркальный двойник ответил мне примерно тем же.

Чувство близости смерти вызвало у меня острое желание жить. Не просто как-нибудь существовать, а интересно, на всю катушку. Я разглядывал деревья, траву и цветы, кошек и голубей, асфальт под ногами, небо над головой, редких прохожих – и представлял, что вижу это в последний раз. Тысячу раз виденное вызывало у меня сильный интерес, прямо-таки чувство родства с этим миром, который жил, дышал, двигался, плакал и смеялся. Я любил его, восторгался и ...жалел до боли в груди, до горючих слез.

Вдруг я резко остановился. У дороги, под большим кустом на пенёчке сидел старый солдат с медалями на груди. Он печально, как брошенная собака, смотрел на прохожих. Я отыскал в кошельке медную монетку и положил ее в старую кепку у деревянного протеза. Нищий поклонился мне и серьезно произнес: «Дай Бог тебе здоровья». От него до дома я почти бежал. Отдал маме сумку с кошельком и попросил монетку для нищего. Она протянула мне три серебряные монеты и погладила по голове. До угла дома я бежал, потом остановился, перевел дыхание и перешел на шаг. Вот он – сидит еще. Я подошел, нагнулся и, снова глядя на страшную деревянную колоду протеза, бросил монеты в кепку. «Дай тебе Бог здоровья», – услышал я и поднял глаза на инвалида. Он улыбался мне, как старому знакомому.

Все эти события требовали немедленного объяснения, и я отправился к Николаю Васильевичу. Дверь открыла молчаливая, всегда грустная тетя Аня и, прошептав приветствие, впустила в дом. Нацедив для меня традиционного «чайного гриба», он спросил:

– Андрейка, да на тебе лица нет. Что случилось?

На всякий случай я ощупал лицо. Все оказалось на месте: нос, щеки, глаза, подбородок. Значит, он пошутил. Понятно.

– Там нищий, – махнул я рукой. – Он мне сказал «Дай Бог тебе здоровья».

– О, это не просто нищий. Я его давно знаю, он философ. Собирает деньги не себе. В-первых, он дает возможность прохожим сделать доброе дело. Во-вторых, собранные деньги отправляет сироткам в детдом. А тебе, видно, понравилось милостыню подавать, а?

– Не знаю, – пожал я плечами. – Но мне стало очень хорошо.

– Вот и не скупись никогда на милостыню, тогда действительно Бог даст тебе здоровья и много чего еще.

– А нам в школе говорили, что Бога нет.

– Кто так говорит, – для них Бога нет. А ты их не слушай. Есть Бог. А как же иначе! Есть.

– А вот я пришел с таким вопросом. Мне кажется, что в этой жизни все разумно и правильно. Но тогда почему люди умирают? И куда девается то, ради чего они жили?

– Видишь ли, Андрейка, если Бога нет, тогда жизнь действительно смысла не имеет. Пожил – и в землю. Делал добро или зло – неважно: все равно ведь в землю. А вот если ты веришь, что Бог есть, то все становится на свои места. После смерти тела душа твоя даст отчет Богу о прожитой жизни. Если ты делал зло – будешь наказан. Если стремился делать добро, Бог возьмет тебя в Свое Царство. И там продолжится жизнь, только более интересная. Я как-то читал, как там прекрасно! Одно слово – рай!

От этих слов во мне что-то сильно качнулось. Словно туман на миг рассеялся, и я снова увидел, как летаю по светлым безбрежным просторам. Я сидел замороженный и счастливо молчал.

– Ты вот что, Андрейка, о нашем разговоре никому не говори. Просто верь, что Бог есть и Он тебя ждет к Себе в Свое Царство. Всю жизнь стремись делать добро. Пусть это будет наша тайна. Большая, светлая, добрая тайна. Хорошо?

– Да. Мне так хорошо! Спасибо вам.

На День Победы нас одевали в белые рубашки и загоняли на сцену. Перед этим недели две мы разучивали стихи, исполняли оратории, учились красиво маршировать и подносить цветы. И если репетиции доводили нас до полной тупости, то в День Победы на нас сходило какое-то озарение. Сцена, убранная цветами, лучи прожекторов, громкая торжественная музыка, общее волнение – все это приподнимало над суетой, и мы так читали! Так пели!

В первых рядах на плюшевых креслах сидели старенькие ветераны – они-то и становились нашими главными почитателями. Потому что они плакали. После знакомства с нищим инвалидом я на праздничном утреннике все высматривал его лицо среди сотен чужих лиц, но разыскать его не удалось. Тогда я представлял себе, что он сидит в первом ряду в синем костюме с орденами. Вместо страшной деревянной ноги у него аккуратный протез под брюками — совсем незаметный. Он смотрит на меня, а я читаю стихи звонким голосом. И тогда у меня все получалось еще лучше.

В перерыве перед военным фильмом нам позволялось зайти в буфет и бесплатно выпить по стакану лимонада с пирожным. Там же сидели ветераны и пили не только лимонад. Они подзывали нас к себе: «Ну-ка, пианары, скажите заслуженным героям, как вы живете? Хорошо ли учиться? Слушаете ли старших? А ведь мы за вас кровь проливали. За вас мерзли в окопах...» Что тут скажешь, когда так и было. Мы смущенно обещали учиться еще лучше, слушаться еще послушней, дружить еще дружней. Но чего-то нам не хватало. Между нами стояла стена: они, за нас воевавшие, находились по одну сторону, а мы, дети мирных лет, обязанные им самой жизнью – по другую сторону той стены. Тогда я жалел, что среди сидящих в зале, пьющих в буфете, курящих в туалете, гуляющих в фойе – нет моего нищего старика. Мне очень хотелось увидеть его ветхую гимнастерку, деревянную колоду и такие умные, добрые, печальные глаза, услышать волшебные слова: «Дай Бог тебе здоровья».

Летом нам удалось навестить маминых родственников, что жили в деревне. Ехали мы туда сначала поездом, потом автобусом и еще на телеге. Дом, в котором жила тетя Нюра, стоял на самом краю леса. После привычных загородных дачных поселков здешняя природа поразила нас необычным богатством. Мой двоюродный брат Коля, взрослый мужик, пригласил меня сходить «по землянику». Мы только вошли в лес, прошли метров сто и вот она: огромная поляна, сплошь красная от крупной душистой ягоды. Тоже было и с грибами. За полчаса мы набрали по ведру отборных боровиков и белых груздей – других тут не собирали. На рыбалке за полчаса выуживали пяток огромных лещей.

Очень быстро мне надоело охотиться, пробовать на вкус и объедаться. Меня интересовали люди. Здесь, в глубине страны, в глубине народа они должны были владеть чем-то необычным. Рядом шевелилась тайна, она ходила вокруг меня кругами, кричала ночным филином и утренним петухом, пьянила голову пронзительными ароматами цветов, трав и земляники. Я всматривался в загорелые грубоватые лица селян, в их застенчивые глаза, вслушивался в необычный протяжный говор и ждал...

Случилось это на пятый день. Тетя Нюра повела маму на кладбище. Я напросился идти с ними. Кладбище находилось на противоположном краю деревни. По дороге женщины говорили о крестьянском восстании, жестоко подавленном комиссарами. На кладбище мы подошли к огромной братской могиле, в которой покоились двести пятьдесят селян. Тетя Нюра ласково гладила густую траву на могиле и тихонько выла: «Ироды, сколько душ погубили...» Мы долго обходили кладбище. Наши родственники покоились там и тут, под разными холмами. Их объединяло одно: на могилах стояли кресты. Не памятники с красной звездой, обычные для городских кладбищ, но кресты – величественные, живые, родные...

Вечером мы поминали покойников. Стол уставили сладостями, глиняные кринки наполнили квасом и компотом. Отец спросил, где водка, тетя Нюра округлила глаза: «Что вы, миленькие! Это ж какой грех-то. Батюшка говорил, что покойники горят как в аду от поминовения водкой. Только сладеньким, чтобы им сладко жилось на том свете». Мама смущенно посмотрела на меня, но промолчала. Я превратился в одно большое ухо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.